

Татьяна ФАДЕЕВА

г. Петрозаводск

Преобратности судьбы

(журнальный вариант)

*Повесть основана на воспоминаниях
Раии Ирэн Сакалаускене (Раисы Андреевны Сакалаускас)*

Отец

Мой отец родился в 1898 году в городе Турку – это финское название города, или в Або – по-шведски. Турку – довольно крупный город-порт, расположенный на юго-западе Финляндии, тогда центр Або-Бьернборгской губернии, теперь административный центр провинции Варсинайс-Суоми, что в переводе с финского значит Исконная Финляндия.

В семье было четверо детей: старший сын Франц Ялмари, второй сын Карл Оскари, дочь Ида Мария и младший сын Юрье Николай.

Все дети появились на свет во втором браке моего деда. Отец всех этих детей и мой дед Отто Ристиканкаре был старше своей жены Марии Каролины на сорок лет и умер в 1904 году восьмидесяти лет от роду, проболев всего два дня. Младший сын Отто Ристиканкаре – Юрье Николай впоследствии и стал моим отцом. Второе, русское, имя родители дали ему в честь императора всероссийского Николая Второго.

В шесть лет Юрье Николай остался сиротой. Каждое лето он пас скот, батрачил, а зимой учился в На-

родной школе. Обучение продолжалось шесть лет, в 1911 году он окончил школу. Началась взрослая жизнь, иногда очень тяжелая.

Еще подростком Юрье трудился разнорабочим на стройках, лесозаготовках, в сельском хозяйстве, на вагоностроительном заводе. Постоянной работы найти не удавалось. Молодых людей без профессии на работу не брали. Он попытал счастья в Хельсинки, пожил там, вернулся обратно в Турку. Начал заниматься спортом. Увлёкся социалистическими и коммунистическими идеями, вступил в социал-демократическую партию Финляндии. Формирование его личности проходило в сложное для Финляндии время. Дыхание революционных событий в России отчетливо ощущалось в стране Суоми.

В январе 1918 года в Хельсинки вспыхнула социалистическая революция и вслед за ней гражданская война, продолжавшаяся до мая этого же года. В Финляндии была провозглашена Финляндская Социалистическая Рабочая Республика. Гражданская война велась между красными, возглавляемыми Советом народных уполномоченных Финляндии, и белыми – буржуазно-демократическими силами финского Сената. Красные были поддержаны моло-

дой Российской Советской Республикой. Белые получали военную помощь от Германской империи и неофициально от Швеции.

Двадцатилетний Юрье Ристиканкаре воевал на стороне красных. Тогда же он вступил в недавно образованную Коммунистическую партию Финляндии.

В результате поражения финских красных Финляндская Республика самораспустилась, а ее правительство бежало в Советскую Россию. Для участников революции и сочувствующих ей настали тяжелые времена. Начались массовые аресты. Партия ушла в подполье.

Руководство партии предложило Юрье Ристиканкаре покинуть страну, оставаться в Финляндии стало небезопасно. Для него был разработан маршрут бегства. Юрье пришлось сначала встать на лыжи и перейти через северную замерзающую часть Балтийского моря – Ботнический залив в Швецию, а затем на пароходе отправиться в Эстонию.

«Швеция страна нейтральная, – говорили ему, – поживешь там недельки две, а когда все успокоится, отправись дальше в Эстонию, затем переберешься в Петроград».

Но едва он сошел на пирс в Таллине, как его встретила полиция.

Юрье под конвоем доставили в Хельсинки, где в это время шло предварительное следствие. Суд вынес решение – шесть лет лишения свободы. Отбывать наказание Юрье отправили в Турку.

На подъезде к Турку в гору поезд пошел медленнее. Еще когда отъезжали от Хельсинки, Юрье начал симулировать боли в животе, прижимал к нему руки, морщился, негромко постанывал. Так повторялось несколько раз.

Наконец конвоир небрежно поинтересовался:

– Что с тобой?

Юрье ответил:

– Сильно болит живот.

Конвоир сказал:

– Иди в туалет, я сейчас приду.

Юрье быстро прошел в туалет, закрыл за собой дверь и открыл окно, но в дверь уже начали стучать. Он протиснулся в окно и, держась за раму, повис снаружи вагона, намереваясь спрыгнуть с поезда. Прыгнуть сразу не решился, поезд проезжал мост. В дверь уже ломились конвоиры. Медлить больше было нельзя.

Как только поезд миновал мост, Юрье прыгнул, упал на бок, крепко ударившись о землю, перевернулся, быстро вскочил на ноги и понял, что ушиб ногу. К счастью, резкой боли не почувствовал, ушиб был несильным.

«Значит, обошлось», – решил он.

Жадно втянул свежий воздух, огляделся и понял, где находится: «Станция совсем близко. Надо быстрее уходить».

Еще в поезде он продумал все до мелочей. Если удастся побег, он знал, куда пойти. Неподалеку находятся его родные места, здесь все ему знакомо. Он направился к дому женщины по имени Майя, она раньше часто скрывала в своем доме беглых политических. Майя жила вдвоем с сыном.

Российские революционеры, преследуемые полицией, подолгу проживали на территории Финляндии. Чтобы скрыться, им достаточно было пригородным поездом проехать километров тридцать к северу от Петербурга, где начиналась почти другая страна. Почему почти? Потому что до 1917 года Финляндия входила в состав Российской империи, но пользовалась относительной самостоятельностью. Великое княжество Финляндское имело самоуправление – сейм, свою валюту – марки, финны не призывались в российскую армию, государственным языком был финский.

Внутреннее чутье подсказывало Юрье, что здесь опасно, но он все же постучал. Дверь ему никто не открыл. Неподалеку жил его брат Ялмари, но он не разделял политических убеждений Юрье, поэтому беглец не особенно рассчитывал на его помощь. Другого выхода все же не было, поэтому Юрье направился к дому брата.

Ялмари оказался во дворе, и на его удивленный возглас «Откуда ты?» Юрье ответил:

– Не спрашивай, лучше принеси что-нибудь поесть и подскажи, где скрыться на время. Я стучал к Майе, но у нее никого нет.

– К Майе? Да у нее теперь сын в полиции служит! – воскликнул брат. – Тебе повезло, что его не оказалось дома!

Ялмари вынес мешочек с едой, посоветовал переправиться на остров, где его никто не найдет, объяснил, как отыскать место на берегу залива, где была спрятана старая лодка. Осторожно пробираясь перелеском к берегу, Юрье слышал вдалеке топот лошадей, это от станции в погону за ним уже спешила конная полиция. Беглецу повезло, он благополучно добрался до острова. Через пару недель поиски сбежавшего арестанта прекратились. Но в финской газете «Turun sanomat» на первой полосе была опубликована статья о побеге Юрье Ристиканкаре из-под стражи, а в следующем номере этой же газеты через всю газетную полосу с его фотографией сообщалось крупным шрифтом, что за информацию о месте нахождения государственного преступника Юрье Ристиканкаре назначено крупное денежное вознаграждение.

Некоторое время беглецу пришлось тщательно

скрываться от полиции, пока руководство партии не подготовило для него новые документы на имя Андрея Андреевича Пало. Был разработан новый маршрут его бегства. Теперь уже не Юрье Ристиканкаре, а Андрей Пало наконец благополучно добрался до Петрограда.

В Петрограде в 1918 году для обеспечения Красной армии командными кадрами были созданы командирские пехотные курсы, с июня 1921 года они стали называться Интернациональной военной школой. Она располагалась на Васильевском острове в бывшем дворце Александра Меншикова, сподвижника государя Петра I, за высоким глухим дощатым забором, на котором черной краской крупно было намалевано: «Венерическая больница». Возможно, это было сделано из конспиративных соображений, чтобы отпугнуть любопытствующих.

Питерское партийное руководство направило Андрея Пало на учебу в Интервоеншколу, где он познакомился с Тойво Антикайненом. Несмотря на свои двадцать четыре года, Тойво уже имел к тому времени славу опытного командира Красной армии и стойкого большевика.

В один из ноябрьских дней 1921 года в коридоре Интервоеншколы Андрей Пало увидел пятерых быстро идущих ему навстречу людей. Одним из них был председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ленин. Его Андрей узнал сразу. Плотный и коренастый Ленин был без головного убора, в черном расстегнутом пальто с каракулевым воротником. От стремительного движения вождя длинные полы пальто развевались. Он что-то оживленно говорил идущему от него справа высокому худому человеку в длинной шинели и буденовке, то и дело поворачивая к нему голову и энергично жестикулируя. В гулком коридоре школы царила тишина, но слышать, что говорил Ленин, Андрею не удалось.

5 января 1922 года курсантам Интернациональной военной школы зачитали приказ о том, что теоретические занятия в школе временно прекращаются, курсантам предстоит отправиться на практические учения в полевой обстановке.

Еще в начале осени 1921 года в Карелии началась новая белофинская интервенция, и командование Красной армии наметило забросить в глубокий тыл противника отряд лыжников, сформированный из курсантов Интервоеншколы – верных, выносливых людей, способных внезапным ударом разгромить штаб и продовольственные базы белофиннов. В Интервоеншколе объявили набор добровольцев. Желающих было очень много, но командование школы отобрало двести человек. Отряд состоял из курсантов и командиров, по национальности карелов и финнов, имевших за плечами опыт борьбы в

рядах финской Красной гвардии в период революции и гражданской войны 1918 года.

Командиром отряда курсантов-лыжников назначили Тойво Антикайнена.

Среди отобранных добровольцев был и Андрей Пало. Но за день до отъезда отряда из Петрограда он заболел крупозным воспалением легких и был госпитализирован.

После окончания Интернациональной военной школы Андрей Пало поступил на учебу в Ленинградский Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, где по замыслу советского правительства готовились новые руководящие кадры. К 1924 году Андрей Пало стал видным политическим деятелем в компартии.

Мама

Мама родилась в 1905 году в Финляндии в небольшом городке Савитайпале в семье Йонаса и Аманды Лавикка, в которой было четверо детей: две девочки – Ида и Гертруда, и два мальчика – Гуннар и Вяйне.

Мама была младшей в семье, поэтому родители ее баловали. Гертруда, дома ее называли Кертту, очень любила лошадей, и отец купил ей жеребенка. Кертту так хорошо ухаживала за ним, что получила первую премию в местном конкурсе по уходу за лошадьми. Жеребенок вырос, превратившись в резвого скакуна с добрыми выразительными глазами. Бабушка рассказывала, что Кертту чистила его каждый день щеткой, конь был очень красивым, шерсть на нем блестела как атлас. Кертту стала превосходной верховой наездницей и научилась управлять лошадьми, запряженными в повозку.

Семья жила скромно. Бабушка Аманда вела хозяйство, воспитывала детей. Дедушка Йонас был торпарь, этим словом называли арендаторов небольших участков земли, сдававших их в долгосрочную или пожизненную аренду на условиях отработки. Один день в неделю торпарь работает на хозяина, а остальные на себя.

Работать на земле приходилось в основном бабушке и старшей маминей сестре Иде. Доходов земля приносила немного. Чтобы заработать средства на содержание семьи, дедушка часто ездил в портовые города. Он занимался ремонтом двигателей на судах и слыл хорошим механиком.

Трудиться он научился очень рано, начинал столяром, изготавливал мебель. Стал хорошим краснодеревщиком, но прокормить семью этим ремеслом было невозможно, потому что времена были непростые, дорогая мебель не пользовалась спросом.

сом. А работу по ремонту паровых двигателей он быстро освоил, и его в этом качестве хорошо знали. Он получал приглашения на работу в портовые города в письмах или через посыльных.

Судя по маминым рассказам, они часто бывали в Лаппеенранта и Куопио. Много поездок деда было связано с Петербургом. Дед уже тогда состоял в российской коммунистической партии, что, по-видимому, оказало сильнейшее влияние на формирование политических взглядов мамы.

Узнала я об этом много лет спустя от давнего друга нашей семьи финского профессора Хейкки Сярья, преподавателя иностранных языков, журналиста, переводчика. Он написал мне в письме, что «рылся» в архивах, составляя генеалогическое древо собственной семьи, и наткнулся на документы о моем деде, которые свидетельствовали, что Йонас Лавикка был коммунистом и из-за своих убеждений подвергался преследованиям в Суоми.

В начале двадцатых годов дедушка с семьей переехал жить в Петроград, переименованный в 1924 году в Ленинград.

Мама познакомилась с отцом в Ленинграде во время учебы в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Отец дружил с братьями мамы Гуннаром и Вяйне, они учились на одном факультете. Отец часто приходил к ним домой.

Паданская школа

В 1929 году после окончания учебы в Коммунистическом университете отец и мама получили направления на работу в Карелию, в село Реболы в опорную школу, где отработали два года. Затем отца назначили директором школы в селе Паданы, тогда Сегозерского района. Это была школа-интернат для детей из окрестных деревень. Школьные помещения были грязными, а мебель в классах обветшавшая, в окнах не хватало стекол, из-за недостатка керосиновых ламп и керосина учились в две смены лишь по три-четыре часа в день. Ученики, проживавшие в интернате, голодали.

В школе требовался серьезный ремонт, но средств на строительные материалы, оплату ремонтных работ не было, многое приходилось делать своими руками. Отец сам стеклил окна, выполнял плотницкие и столярные работы, красил. Он никакой работы не гнушался, а делать умел все.

Но учителя стали замечать, что в только что отремонтированных классах вновь разбиты окна. Отец стекла вставит, а их снова разобьют. Это продолжалось некоторое время.

Отец стал наблюдать, часто прогуливаясь возле школы, кто же из ребят верховодит среди хулиганистых подростков. Наконец «вычислил» лидера, подозвал его. Подросток неохотно подошел, на лице его была написана скука. Он приготовился выслушать очередную нотацию.

Андрей Андреевич не стал парня отчитывать, а назвал по имени и спросил:

– Ты ведь всех в школе знаешь?

Подросток утвердительно кивнул.

– Тогда мне твоя помощь нужна, – сказал отец.

Парень удивился, изменился в лице.

– Моя помощь? – спрашивает недоверчиво.

– Да, именно твоя.

– А что надо делать? – заинтересовался подросток.

Отец говорит:

– У нас кто-то окна бьет, помоги найти того, кто это делает. Не для того я сюда приехал, чтобы стекла каждый день вставлять, а для того, чтобы детей учить. Чтобы вам образование дать, чтобы из вас культурные, полезные обществу люди получились. Я работаю изо всех сил, трачу много времени на дела, которые в мои обязанности не входят, чтобы вам учиться было комфортно. Коллектив учителей у нас замечательный и дети хорошие, но вот беда, кто-то пакостит в школе, окна бьет. Поможешь мне найти того, кто это делает?

– Помогу! – отвечает паренек.

Никого искать не пришлось. После этого разговора в школе не было разбито ни одно стекло...

Андрей Андреевич был строг, любил дисциплину. Он ввел в школьную программу дополнительные уроки военного дела, которые стали любимыми для мальчишек. Позже многие из них служили в Красной армии. Несмотря на строгость директора, дети его любили. Он воспитывал детей не нравуучениями, а поступками, собственным примером, своей добротой и бескорыстием. Добросовестный труд почитался им как самое большое достояние.

Однажды Андрей Андреевич собрал подростков и обратился к ним: «У меня к вам предложение. Но вы не торопитесь отвечать, сначала подумайте, а потом мне скажете, согласны или нет. Дело вот в чем. Скоро нам привезут дрова, их надо будет распилить и расколоть. Если нанимать кого-то для этой работы, то придется платить деньги. Если распилим и расколем своими силами, то деньги сэкономим и сможем на них съездить на экскурсию в Ленинград. Всю школу, конечно, я на экскурсию взять не смогу, но лучшие, те, кто отличится в работе, поедут».

Ребята хором закричали, что согласны. Они очень хорошо работали, потом и экскурсия состоялась.

Мама рассказала нам с сестрой Ирой такой слу-

чай. В интернате обучалось много детей из очень бедных семей. Отец «выкроил» какие-то деньги, поехал в Ленинград и там купил детскую обувь, чулки, носки для самых малообеспеченных. Когда привез покупки домой, мама хотела взять одни чулки для Иры, но отец не разрешил.

У школы имелся свой приусадебный участок, на котором ученики под руководством учителей начали выращивать картофель и другие овощи, которыми кормили детей в интернате. Старшие ребята зарабатывали деньги на распиловке и колке дров. На эти средства ребята ездили на экскурсии в Ленинград после экзаменов в выпускных классах.

Когда я стала постарше, мне рассказали один забавный случай, произошедший с отцом и очень точно его характеризующий. Однажды в школу приехал проверяющий чиновник из Петрозаводска и, не застав отца в кабинете, пошел искать его по территории школы. Отец в это время чистил школьный туалет, видимо, тогда некому было это сделать.

Чиновник подходит и спрашивает: «Не подскажите, товарищ, как мне найти директора школы Андрея Андреевича Пало?»

Отец отвечает: «Это я».

Проверяющий не поверил, сначала решил, что он шутит. Рассердился, прикрикнул даже с металлом в голосе: «Я командирован из Петрозаводска самим Густавом Семеновичем Ровио, первым секретарем областного комитета партии Карелии, а вы тут глупые розыгрыши устраиваете!»

Когда он убедился, что говорит с директором, долго удивлялся поступку отца. Не понимал, что это были действия человека, твердо убежденного: убирать грязь не стыдно, стыдно жить в грязи.

Андрей Андреевич отдавал работе все силы. За короткое время школа с его приходом стала одной из передовых в Карельской АССР. Летом 1931 года его направили на Конференцию ударников народного образования в Москву. Он был единственным делегатом от Карелии.

В 1933 году отец заболел туберкулезом. Диспансеризации тогда не проводились, противотуберкулезные прививки деревенским детям не делали, питание оставляло желать лучшего, физические и моральные нагрузки были огромные, да и тревожная молодость дала о себе знать. Отец начал плохо себя чувствовать, быстро уставал, и его направили на консультацию в Петрозаводск к известному профессору, врачу-фтизиатру, который сразу поставил диагноз: туберкулез – открытая форма.

Из-за болезни отца отстранили от работы в школе. Он прошел курс лечения дома, после чего его направили на месяц в дом отдыха «Жемчужина» в Крым, где в это же время на отдыхе и лечении нахо-

дился двоюродный брат И.В. Сталина. От этого брата Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич услышал много нелицеприятных высказываний об «отце народов». Тогда разговоры родственника Сталина показались ему кощунственными. Но услышанным он не делился ни с кем многие годы, доносить было не в его характере.

На приеме после санатория профессор посоветовал отцу усиленное питание и добавил: «Если хочешь жить, то начинай закаляться. Начнешь постепенно, с коротких процедур, потом увеличишь их по времени. Каждый день открываешь окно утром и вечером в любое время года и сначала несколько раз обтираешься холодной водой, потом жестким полотенцем растираешь тело до красноты».

Отец педантично выполнял эти водные процедуры каждый день, даже зимой в самые сильные морозы. Ледышки позвякивали в тазу, когда он обтирал тело студеной водой. Мама тихонько ворчала: «Это же наказание какое-то, на кухню зайти нельзя ни утром, ни вечером».

Наконец болезнь отступила, отец поправился.

В 1934 году Андрей Андреевич получил партийное задание: организовать типографию и наладить регулярный выпуск районной газеты. Называлась она «Ударный труд». Село Паданы тогда было районным центром. Отец стал первым редактором этой газеты. Писал передовицы, сам закупал оборудование и набирал сотрудников, пропадал в типографии днями и ночами. В газете он трудился недолго, до 1937 года. Затем попросил вернуть его на работу в школу. Своим призванием отец считал работу с детьми.

Приговор

В октябре 1937 года отца и маму неожиданно уволили с работы в школе. Мама тяжело заболела, у нее началось воспаление легких.

В семье к этому времени было уже трое детей. Моей старшей сестре Ире исполнилось пять лет, мне три года, а младшему брату Арне всего восемь месяцев, он родился 18 марта 1937 года.

Однажды ночью громко постучали в дверь. Стук был грубый, бесцеремонный.

Отец подошел к двери, спросил: «Кто там?»

Ему ответили: «Вы арестованы, Андрей Андреевич, мы пришли за вами».

Отец оделся, подошел к маме и сказал: «Не волнуйся, Кертту, не переживай, я ненадолго, наверное, какая-то ошибка произошла».

Если бы он только знал, сколько раз произносились эти слова во время арестов невинных

людей в те годы! Он вышел. На следующий день мы узнали, что в селе за ночь исчезло еще несколько человек.

Моего отца арестовали 29 октября 1937 года. Он был осужден Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 4 января 1938 года по статье 58-10 (контрреволюционная деятельность) УК РСФСР на десять лет. Отбывать наказание его отправили в Свердловскую область в Ивдельлаг. Этот лагерь расположен в шестистах километрах к северу от Свердловска в непроходимой тайге. Ивдельский лагерь был одним из самых страшных лагерей. Именно в таком качестве упоминает его А.И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Но об этом мы узнали гораздо позже.

Остались мы без отца. Мама тяжело болела, мы ничем не могли ей помочь, скорее были обузой. Спасибо соседке, она приносила маме лечебный травяной отвар. Узнав, что отца арестовали, к нам вернулась няня Тоня. Они обнялись с мамой и долго плакали. Когда отца и маму уволили с работы, отец отпустил няню, объяснив ей, что платить за работу больше не сможет. Тоня, еще совсем молоденькая девчонка, недавно окончившая паданскую школу, относилась к моим родителям с большим уважением, она не могла поверить, что отец совершил какое-то преступление.

«За мной, наверное, тоже скоро придут», – сказала мама няне Тоне.

Тоня приготовила еду, накормила нас и маму, поменяла ей постель, прибралась в доме и ушла, пообещав вернуться утром.

Поздно вечером снова раздался стук в дверь, но не такой страшный, поделикатнее. Мама поднялась с постели, испуганно спросила: «Кто там?»

Мужской голос тихо ответил по-фински: «Керту, открой».

Мама открыла, мужчина шепотом сказал: «Быстро одевайтесь. Собери все самое необходимое. Забери детей. Подвода ждет тебя за углом дома. К родителям пока ехать не надо. Езжай к тем женщинам, у которых тоже мужей забрали».

Мама, совершенно больная, еле держась на ногах, что-то собрала из еды, кое-какие тряпки. Вся мебель, посуда, одежда, книги – все, что было в квартире, осталось в Паданах. Мы отправились в Великую Губу. Там жила с семьей мамина давняя подруга Сайми Хирсивара, тоже учительница. У нее было две дочери-погодки и муж Юкка, инвалид, у него не было ноги.

Нам, детям, поставили табурет посередине кухни, отрезали четыре ломтя черного хлеба, заварили сладкий чай, и мы вчетвером – я, Ира и две дочки хозяев – пили чай с хлебом, сидя на коленях на полу. Мама и родители девочек ушли в комнату, плотно

закрыв за собой дверь. Они тихо что-то обсуждали, видимо решали, как быть дальше.

Вот такой компанией мы и стали жить. На следующий день мама увезла к бабушке в Кондопогу младшего брата Арне. Ей с нами тремя невозможно было справиться – денег нет, есть нечего. Мама искала работу, но, естественно, ее никуда не брали. Помыкались мы тогда изрядно.

Мост

Однажды в выходной день утром мама сказала: «Пойдем, Рая, проведем тетю Ильми».

Ильми Луодо тоже была учительницей. Семьи у нее не было.

Мама одела меня очень красиво. Нарядное платье с кружевами, сверху белый фартучек, вышитый васильками, белые носочки. Все это нам прислала мамина старшая сестра Ида, которая жила в Америке. В общем, во все лучшее, что захватила с собой в Паданах из моих вещей, мама меня одела. И мы отправились в гости.

Мама идет впереди, глубоко погруженная в свои невеселые думы, заложила руки за спину, меня не замечает, а я плетусь сзади метрах в двух-трех от нее. Так мы дошли до железнодорожного моста – виадука. Тогда и машин, и поездов ходило немного. Никаких пешеходных дорожек на мосту предусмотрено не было, шли по шпалам. Мама идет не оглядываясь, механически перешагивая с одной шпалы на другую.

Я окликнула ее, она не повернулась, наверное, не услышала. А мне всего три года, мои детские ноги не позволяют широко шагать по шпалам, как это может делать взрослый человек. Я попробовала перешагнуть, как мама, и чуть не свалилась вниз. Мост проходил очень высоко над землей, от высоты дух захватывало.

К счастью, шпалы были выложены в два ряда, по верхнему проходили рельсы. Нечего делать, я наступила двумя ногами на нижнюю шпалу, ухватилась руками за верхнюю, легла на живот и переползла через нее. Вся сразу вымазалась. Опять наступила на следующую нижнюю шпалу и на животе перелезла через верхнюю. Так я перелазила через весь мост.

Я была испугана, дрожала как пойманная мышь, меня не покидала мысль, что если пойдет поезд, то я погибну. Я даже решила: только увижу паровоз, присесть как можно ниже на нижней шпале, вжаться в нее. Кричать я не смела, боялась, что если крикну, то камнем упаду вниз. Ползла в ужасе, перелезая шпалы одну за другой, одну за другой. Вся была чер-

Арне

Наконец мама нашла работу в кочегарке, где ей приходилось таскать тяжелые дрова. Этот труд без преувеличения можно было назвать каторжным. Она приходила с работы и сразу ложилась. Только немного отдохнув, могла приняться за дела по дому.

Каким-то чудом меня устроили в детский садик. Ира на весь день оставалась с девочками, дочками Саймы Хирсивара, у которой мы остановились. Сколько времени мы там прожили, я не помню, но, кажется, недолго.

За нами приехала бабушка Аманда, мамина мама, и объявила: «Собирайтесь, поедem жить к нам в Кондопогу».

Мы переехали к бабушке, они с дедушкой Йонасом жили в очень большой комнате в двухэтажном деревянном доме барачного типа. Они отдали эту комнату нам. Бабушка сходила к домоуправу и попросила выделить для них с дедом пустовавшую маленькую комнатку рядом с нами, и ей не отказали.

Когда мы уже жили в Кондопоге у дедушки с бабушкой, очень серьезно заболел Арне, младший брат. Из кондопожской больницы врачи направили ребенка на лечение в Петрозаводск. Мама отвезла Арне в Петрозаводск, его положили в детскую инфекционную больницу.

Мама сходила в Министерство народного просвещения узнать, нет ли для нее работы по профессии. Там записали ее данные и обнадежили, мол, в конце лета, ближе к началу учебного года, возможно, вакансии появятся. Некоторое время спустя мама получила извещение, что в Кемском районе в деревне Подужемье есть вакантное место учителя финского языка. Она очень обрадовалась и согласилась там работать.

Недели через две она снова отправилась в Петрозаводск, чтобы забрать Арне из больницы. Но когда мама за ним приехала, ей сообщили, что ребенок умер. Порядок был такой, что из инфекционной больницы тела умерших там больных хоронить родным не выдавали. Маме дали только свидетельство о смерти Арне. Мама ездила в Петрозаводск вместе с Ирой. И Ира рассказывала, как они с мамой горестно брели из больницы через мост на площадь Кирова и обе безутешно плакали.

Спустя много лет, заболев перед смертью, мама призналась, что всю жизнь ее мучили сомнения по поводу гибели Арне, она не верила, что он умер. Ей ведь выдали только свидетельство о смерти, а тело сына похоронить не дали.

Я начала поиски брата в 1994 году, но безрезультатно. Написала на телевидение в передачу «Жди

меня», отправляла письма в разные города, всего больше пятидесяти писем написала. В Петрозаводском архиве мне сообщили, что многие документы на детей, лежавших в больнице в тридцатые годы, погибли, утонули в Онежском озере во время эвакуации. И вот что странно, нигде не нашла я никаких записей или документов в архивах, касающихся рождения или смерти моего брата.

Случайно я познакомилась с одной пожилой женщиной, которая в 1937–38 годах работала в Петрозаводске в детской инфекционной больнице санитаркой, она рассказала, что видела светловолосого годовалого мальчика на руках у Эльзы, заведующей отделением, где лежал Арне.

Она слышала, как Эльза сказала своим коллегам: «Я сохраню и верну родителям этого ребенка».

Эльза была немного знакома с моими родителями, но фамилии ее никто не помнил. Как мне стало известно, ее арестовали и расстреляли в 1938 году. Поэтому судьба Арне так и осталась для нас загадкой.

Некоторые знакомые и друзья говорили: «Может, и лучше, что поиски не увенчались успехом, неизвестно, кем Арне стал, каким человеком, может быть, не радость, а горе принес бы он в ваш дом».

А я думаю, что не мог наш брат стать плохим человеком и хорошо, если живет где-то на белом свете еще один член нашей семьи.

Война

Тяжело заболел наш дедушка, то ли инфаркт, то ли инсульт у него случился, он уже не вставал с постели. Где-то полгода пролежал и умер. Думаю, что свело в могилу его то, что рухнули надежды на лучшую долю для детей. Сначала жизнь стала налаживаться, оба сына и дочь получили высшее образование, начали работать. И вдруг судьба наносит удар за ударом: арестованы сыновья и зять, дочь потеряла работу, заболел и умер горячо любимый внук. Мы похоронили дедушку летом 1939 года.

Мама съездила в Подужемье, оформилась на работу и приехала за нами. Было решено, что на новое место мы отправимся жить вместе с бабушкой. Багажа, мебели у нас не было, мы все оставили в Падахах, когда после ареста отца спасались бегством. В комнате бабушки в Кондопоге стояла очень хорошая мебель, кое-что привезли из Финляндии, что-то было сделано руками деда. Мама попросила знакомых финнов, и они помогли упаковать мебель и отправить багажом в Кемь. Мы поехали в Подужемье в поезде только с сумками.

В Подужемье нам выделили дом, видимо, преж-

ние хозяйева были репрессированы. Не могу объяснить, почему возникло чувство, что в этом доме произошла такая же трагедия, как и с нами в Паданах.

Недели через три мама взяла у кого-то лошадь с телегой и съездила за багажом. Среди бабушкиной мебели был очень красивый кожаный диван бежевого цвета, большая редкость в то время, и оригинальная кровать, такой я никогда больше нигде не видела. Кровать была складная, она собиралась, превращаясь в тумбу. В разобранном виде она была очень просторная, примерно два на два метра. Ее сконструировал наш дед. Был очень красивый большой восьмигранный стол из красного дерева, ножек тоже у него вроде было восемь. И стол был сделан дедом. Пара тумбочек, большое зеркало. Этой мебелью мы обставили дом, получилось очень уютно.

Летом мы ходили в лес за ягодами и грибами. По-немногу начали отходить от голода и невзгод.

Год мама отработала учителем финского языка. Ей очень нравилась работа в школе, и мы приехали жить в Подужемье. В конце учебного года мама вместе со своими коллегами уехала на учительскую конференцию в Кемь. И вдруг рано утром, мы еще спали, часов в семь утра раздался резкий стук в дверь.

Бабушка открыла, а на крыльце вся в слезах стояла мама, она произнесла только одно слово: «Война!»

Мама скинула с себя одежду и легла на кровать под одеяло. Она вместе с другими учителями пешком пришла из Кеми. После конференции у них была вечеринка, танцы, и тут по радио они услышали известный всей стране голос диктора Юрия Левитана, сообщающего, что 22 июня 1941 года в четыре часа утра нацистская Германия вероломно напала на Советский Союз и началась Великая Отечественная война. Они сразу же отправились домой в Подужемье и ночью прошли пешком километров пятнадцать.

На следующий день всем учителям выдали кирки и лопаты, их мобилизовали на рытье окопов и противотанковых рвов. У мамы в Подужемье жила подруга, тоже учительница, Рауха Каалске, молодая еще женщина. У нее не было семьи, и она часто приходила к нам в гости.

Получилось так, что Рауха и мама работали близко друг от друга на рытье окопов и мама, неудачно размахнувшись, нечаянно ударила ее киркой по голове. Пришли они к нам домой. Я видела, как мама сидит и плачет, а бабушка обрабатывает рану и бинтует Раухе голову. В больницу ей нельзя было идти, маму сразу бы арестовали. Рауха потом долго ходила с повязкой на голове. Хорошо, что рана была неглубокая и постепенно зажила.

В школе вместе с мамой работал молодой учитель Василий Петрович из Калевалы. Ему пришла повестка, призывали в Красную армию. Родных у него не было, он вырос в детском доме. Некому было проводить его в армию. Все учителя собрались у нас, потому что у нас был самый просторный дом, проводы ему устроили. Принесли угощения, кто что смог. Выпивать в их среде было не принято. Отправился он на фронт. Очень скоро на адрес школы пришло извещение, что Василий Петрович погиб. Совсем еще молоденький паренек был.

Эвакуация

Поздней осенью, когда уже стоял мороз, мама, вернувшись с работы, сказала: «Эвакуируют нас. Надо собираться, можно взять с собой не более сорока килограммов багажа».

Узнав об эвакуации, к нам прибежала Рауха Каалске, она попросила маму: «Кертту, отдай мне Раю, тебе не справиться с двумя детьми. Если будем живы, я верну ее тебе после войны».

Мама без колебаний ответила: «Я уже потеряла одного ребенка. Рая останется со мной».

Сходили мы с мамой в магазин, хотели что-нибудь из продуктов в дорогу купить, но там были только хлеб, соль и перец. Пока мы собирались, выпал легкий снежок. Подошла грузовая машина с полным кузовом людей и остановилась у дома. Ждали нас. Я подошла к машине, одной рукой прижимаю к себе кота, в другой санки держу. Стою реву.

Мама вышла на улицу вместе со мной, но вдруг, что-то вспомнив, вернулась. В окно я увидела, что в доме она взяла острый финский нож, его еще дед сделал, и срезала всю кожу с дивана, скрутила в рулоны и запихала в рукава. Кожа была очень хорошей выделки, тонкая и прочная, как лайка. Мама вышла из дома и направилась к машине.

Водитель выскочил из кабины, взял у меня кота и выкинул его, забрал санки и говорит: «Я потом тебе привезу и кота, и санки, туда, где вы будете жить. А сейчас залезай в машину. Все равно в поезд кота не возьмут».

Мы с трудом втиснулись в кузов машины. Людей туда набилось как селедок в бочку. Поехали!

Приехали на вокзал в Кемь. Выходим из машины, а бабушка идти не может, у нее от тесноты и волнений ноги онемели. Пришлось ее на руках нести до вагона и в вагон заносить тоже на руках, хорошо, что люди добрые помогли.

В товарном вагоне были сделаны двухэтажные дощатые нары, а посередине топилась печка-буржуйка. В вагон могло поместиться человек, на-

верное, сорок-пятьдесят. Нас всех погрузили в этот вагон и повезли в Архангельскую область.

Ехали мы уже недели две, очень медленно, на каждой станции останавливались, пропуская воинские эшелоны, идущие на фронт. Иногда стояли целые сутки.

На одной из остановок мама и тетя Хельми Лехтонен, она ехала в этом же вагоне со своим сыном Вилье, вышли набрать воды в жестяной чайник. Очередь за водой стояла огромная. Поезд тронулся, начал набирать скорость, и мама с тетей Хельми не успели в него запрыгнуть.

Они остались растерянно стоять на перроне, а мы с бабушкой и Ирой поехали в поезде дальше. Как же мы с Ирой и Вилье горько плакали! В вагоне все пассажиры были расстроены, потому что за время долгого пути все уже познакомились и привыкли друг к другу. Когда поезд остановился на следующей станции, взрослые спросили у дежурного по железной дороге, что нам делать в этих обстоятельствах.

Он нас успокоил: «Не переживайте, здесь поезд будет стоять долго, и они вас догонят».

И на самом деле к вечеру мы дождались маму и тетю Хельми. Сколько же было у нас радости!

Как-то под вечер поезд остановился, объявили: «Конечная станция!»

Значит, приехали. Это то место, куда нас должны были эвакуировать в Архангельской области.

Выходим на перрон, полный народу. Толпа огромная. Снега там выпало уже довольно много. Вдруг смотрим, идет лошадь, запряженная в сани, и одна женщина сидит, правит лошадью, а вторая стоит в санях у нее за спиной, держится за ее плечи руками и высматривает что-то в толпе. Увидев нас, остановили лошадь, соскочили на землю и начали бесцеремонно расталкивать людей во все стороны, пробираясь к нам через толпу.

А мы стоим в самой гуще народа с тетей Хельми, ее сыном и ее швейной ножной машиной. Еще когда нас увозили из Подужемья, тетя Хельми взяла вместо багажа швейную машину. Водитель грузовика не хотел ее брать, но она сказала, что без швейной машины никуда не поедет, потому что это ее кормилица.

Останавливаются эти незнакомые женщины рядом с нами, хватают с двух сторон швейную машину и тащат к саням.

На ходу кричат:

– Чья машина?

Тетя Хельми растерянно отвечает:

– Моя.

А они ей:

– За нами быстро!

Тетя Хельми схватила сына в охапку и бегом за

ними. Женщины погрузили в сани швейную машину, тетю Хельми с Вилье и уехали.

Мы остались на перроне. Уже темно стало, холодно, мы замерзли все. Машины, которые должны были нас развезти по местам жительства, не пришли. Привели нас в церковь ночевать. Это собственно и не церковь уже была, а церковное здание, занятое под какой-то склад. Посередине печка-буржуйка стоит, топится, а вокруг ящики, коробки, дрова, доски. Неуютно, но некуда деваться, все равно под крышей теплее, чем на улице.

У печки сидит на ящике пожилой мужчина, голый по поясу. Дверца печки открыта, и мужчина держит снятую рубашку у самого огня. Мы с Ирой подошли поближе. Слышим какие-то звуки странные раздаются: «тык, тык, тык...» Присмотрелись, а на ржавый железный лист, лежавший на полу перед печкой, с его рубашки вши падают, да такие крупные! Женщины на него ругаются, а он будто не слышит. Молча трясет рубаху. Рубаху вытряс, надел, стал штаны снимать. Ну, мы тут с Ирой подальше отошли.

Внутри здания было холодно, и всем хотелось подойти поближе к печке погреться. Все ругаются на мужчину, а он как будто не слышит, ни на кого не глядя, упорно продолжает вшей из штанов трясти.

Переночевали мы там, утром пришла грузовая машина, повезли нас в леспромхоз. Он недалеко находился.

Леспромхоз

В леспромхозе нас встретил мужчина в ватнике и солдатской шапке-ушанке, он сказал:

– Давайте сначала на жительство вас определим.

Нам выделили полдома, там было две комнаты. Нас поселили в ближнюю от входа, а дальнюю комнату заняла семья американских финнов с маленьким ребенком. У нас с собой были сковородка и пара кастрюлек, начали устраиваться.

На другой день мама отправилась в контору леспромхоза оформляться на работу, а на следующий день рано утром ей уже надо было выходить в лес на лесозаготовки, не имея для такой работы ни одежды, ни обуви, ни рукавиц. Она была одета так, как одевалась вся интеллигенция в те годы.

Примерно месяц мы там уже прожили, мама работала в лесу. Мы всегда с Ирой ждали. Знали, если кто-то из соседей пришел с работы домой, значит, мама тоже скоро должна прийти. От непривычного тяжелого труда она невероятно уставала и шла с работы всегда последняя.

Как-то мы с Ирой ждем ее, от окна не отходим.

Уже все соседи домой с работы вернулись, на улице темнело. А мамы все нет и нет.

Спрашиваем у соседней:

– Где же мама?

– Да вроде шла, отстала, видимо, – говорят.

Мы с Ирой отправились ее встречать. Уже совсем на улице темно стало. Идем по дороге, громко разговариваем, чтобы не так страшно было. Вокруг по обочинам снег лежит, только сырая развезженная колея темнеет. Вдруг слышим, волки воют. Мы остановились, очень хотелось повернуть обратно домой, но мы отчаянно решили: раз мама осталась в лесу, значит, надо идти дальше ее искать.

Идем, вдруг слышу, с моей стороны раздаётся слабый звук, как стон: «Тюттет». Это по-фински значит «девчонки». Я Ире говорю: «Мама где-то близко». Идем дальше, напряженно вслушиваемся, но ничего не слышим.

Вдруг снова: «Тюттет», но еще тише, еле-еле слышно, как будто сзади прошелестело. Я кричу Ире:

– Мама где-то здесь в лесу, мы прошли это место!

Повернули назад. Смотрим: на обочине вывернутый из земли огромный корявый пенёк торчит, а рядом на мокром снегу что-то большое черное лежит. Подходим, а это наша мама. Она от слабости не смогла громко позвать на помощь. Мы давай ее тормошить, поднимать. Сама она не в силах была на ноги встать. У нас сил тоже не было.

Не знаю, каким чудом мы ее все же подняли и доволокли до дома. Надо было видеть, с каким трудом мы втроем шли. Добрались домой только часам к двенадцати ночи.

Конечно, утром на работу мама выйти не смогла. Тяжелейший труд, постоянный холод, скудное питание вымотали ее окончательно. Там не было ни врачей, ни лекарств. Бабушка, как могла, пыталась ее лечить. Кто-то из соседней травой целебной поделился. Так она проболела неделю.

Через пару дней после того, как заболела мама, утром я еле пришла в школу, есть хочется, спать хочется, слабость сильная и головокружение, сижу за партой и дремлю. Конечно, маленький кусочек хлеба на завтрак может только жизнь поддержать, а не насытить, но когда и его нет, совсем придёт плохо.

Учительница подходит и спрашивает:

– А ты чего же, Рая, ничего не пишешь?

Я ей отвечаю:

– Кушать хочу и спать хочу, нам карточки на хлеб не дали.

Мама не вышла на работу первого числа, когда выдавали хлебные карточки, и мы их не получили, еды дома не было никакой. На второй день ба-

бушка сходила за карточками в контору леспрохоза, но ей их не дали. Видимо, мастер доложил директору, что мама на работу не вышла, а разбираться в причинах ее отсутствия никто не стал.

Учительница у нас молоденькая еще совсем была, она легонько погладила меня рукой по голове и говорит:

– Хорошо, спи пока, уроки закончатся, вместе пойдем к директору.

Она даже вроде бы раньше детей отпустила с уроков. Приходим мы с ней в контору, а там за столом сидит средних лет мужчина, круглолицый такой, упитанный.

Учительница ему говорит:

– Посмотрите на ребенка, девочка от голода еле ходит. Ее матери продуктовые карточки не выдали.

Он спрашивает:

– Как фамилия матери?

Я назвала. Он открыл ящик стола, достал четыре карточки, швырнул мне их и говорит:

– Натё, покупайте хлеб, но матери не давайте.

Наступила зима, морозы стали крепчать. Из колхоза приезжали местные жители, привозили продукты, и мы меняли одежду на картошку, хлеб, муку.

Как-то мы с мамой отправились на рынок, мама взяла с собой два куска кожи, которые срезала с дивана, когда мы уезжали из Поддужемья. Она показала кожу продавщице, и та дала нам полведра картошки и большой круглый каравай домашнего хлеба.

Через неделю мы снова пошли туда же. Продавщица нас сразу узнала и даже как будто ждала, она подозвала маму и спросила: «Кожа есть?»

Мама показала еще два куска кожи, и она снова обменяла их нам на продукты. Из кожи шили обувь, легкую, как тапочки. Называлась она уледи. В них ходили и дети, и взрослые. Уледи закрывали всю ступню, а рядом с косточкой сбоку делали шов и отверстия, через которые протаскивали веревку или резинку, у кого что было. Веревку затягивали, завязывали, и внутрь самодельной обуви снег не попадал. Для тепла вокруг ноги наматывали обмотки почти до колена.

Ире тоже сшили такую обувь, зато мне достались ботинки, ставшие ей малы.

К этому времени мы уже много чего из своей одежды успели поменять на продукты, чтобы не умереть от голода. Жить становилось все тяжелее и тяжелее.

Однажды поздно ночью раздался стук в дверь, мама тревожно спросила:

– Кто там?

А за дверью женский голос:

– Здесь ли живут две девочки, Ира и Рая, бабушка и их мама Гертруда Йоносовна?

Мама говорит:

– Это я.

– Собирайтесь быстро!

Мама даже не спросила, куда собираться и что случилось, потому что хуже уже быть не могло. Мы вышли на улицу, а там стоят две деревенские женщины рядом с лошадей, запряженной в сани.

Одна из женщин спрашивает маму:

– Вы Хельми Генриховну знаете?

Мы хором отвечаем:

– Знаем!

– Она попросила найти вашу семью. А за это обещала всю деревню бесплатно обшить. Мы ее просьбу выполняем, поторопитесь, пожалуйста, – сказала вторая женщина.

Они погрузили наши скудные пожитки в сани, усадили нас, накрыли сеном. Очень хорошо мы до деревни доехали.

Мишина Гора

Называлась деревня Мишина Гора. Мы вошли в небольшой домик, в какую-то очень теплую комнату. Я уже почти не ходила от голода, меня положили на кровать, и тетя Хельми сидела рядом и не позволяла никому меня кормить. Корочку хлеба засунула мне в рот и велела ее сосать. Нельзя было с голоду наесться, я могла умереть.

На следующий день местные жители, узнав, что в деревню привезли истощенных от голода эвакуированных детей, понесли нам кто яичко, кто полчашки молока, кто кусок домашнего хлеба, кто немного творожку. Простые деревенские женщины, совершенно незнакомые нам, несли кто что мог. Спасли они нас тогда. Понемногу мы начали возвращаться к жизни.

Через несколько дней нам в деревне дали полдому. Летнюю половину, правда. В одной половине жили хозяева, а вторая стояла пустая, в ней жили только летом. Мы все вместе – тетя Хельми с сыном, мама, бабушка и мы с Ирой – устроились в этой половине дома жить. В колхозе нашлась какая-то работа для мамы. Мы с Ирой пошли в школу. Школа находилась в соседней деревне Лобаново за несколько километров от Мишиной Горы.

Нам выдали карточки на хлеб, но купить его можно было тоже только в Лобаново. Каждый день ходить за хлебом было сложно, поэтому мы ходили через день или два. Хлеб давали по норме, дома мама делила его на всех, но никто чужой кусок никогда не съедал.

В нашей деревне не было ни магазина, ни школы. Дорогу сильно заметало, особенно в метель и пургу, снег доходил до колен.

С трудом дойдем с Ирой до школы, а в классе учительница ставит нам у горячей печки свой стул и говорит: «Садитесь, девочки, грейтесь и сушитесь».

Целый урок иногда сушишь промокшие ботинки и чулки, валенок у нас не было.

Наша бабушка уже не вставала, мы ее кормили с ложки, сама она не могла кушать.

Помню, в один из зимних дней стоял сильный мороз. Мама ушла на работу. Мы с Ирой не ходили в этот день в школу и полезли греться на теплую русскую печь. А рядом с печью на лежанке спала бабушка. Надо было через бабушку перелезть, и я нечаянно наступила ей на ногу.

Говорю:

– Бабушка, миленькая, извини, я не хотела тебе больно сделать.

Она ничего мне не ответила. Мы с Ирой, притихшие, долго лежали на печке. Когда мама пришла с работы, мы тихонько слезли с печи, и я рассказала ей, что наступила бабушке нечаянно на ногу, извинилась, а она мне ничего не ответила, рассердилась, наверное, очень.

А мама печально сказала: «Бабушка умерла сегодня утром. Я вам не стала об этом говорить, потому что боялась, что вы испугаетесь и из дома убежите».

Мужчин в деревне не было, все ушли на фронт, остались только подростки. На складе работал один мужик – инвалид с одной ногой. Да еще была пара старичков малосильных. Председателем колхоза была женщина, она послала кого-то помочь маме яму на кладбище выкопать, дала ей колхозную лошадинку.

Я удивилась, увидев в окно, как мама пригнала лошадь, запряженную в сани, ловко повернула ее в нашем маленьком дворе, успокаивающе похлопала рукой по шее, и по одному этому уверенному движению было понятно, что она умеет обращаться с лошадьми. Тетя Хельми к лошади не смела даже подойти.

Мама с тетей Хельми притащили грубо сколоченный гроб. Один из местных старичков из досок его смастерил. Мы, дети, смотрели по очереди в дырочку, сделанную ладошками в морозном узоре окна, и я навсегда запомнила, как тетя Хельми с мамой вдвоем на пределе последних сил тащили тяжелый гроб с телом бабушки до саней.

Они вдвоем поехали бабушку хоронить, а нас дома закрыли, чтобы мы никуда не ушли. Помню, что сын тети Хельми Вилье сидел рядом со мной на кровати и все время что-то настойчиво спрашивал, а я

не могла ему ответить, потому что была очень расстроена. Так мы похоронили бабушку. Шел 1943 год.

Накануне Рождества и Нового 1944 года наши мамы решили устроить нам праздник и принесли из леса небольшую пушистую елочку. А украсить-то ее нечем! Нет ни бумаги, ни клея, ничего нет, из чего можно было бы сделать елочные игрушки.

Тетя Хельми раздобыла где-то немного мякины, замесила из нее тесто, слепила симпатичные маленькие фигурки животных и человечков. Затем испекла их в печи, приделала веревочки и повесила на елку. Очень красиво получилось.

К нам заглянул один наш приятель из деревенских детей, увидел эту красоту, и уже через полчаса все ребятишки из Мишиной Горы прибежали посмотреть на эти румяные печенюшки, елочные игрушки.

Тетя Хельми ребят близко к елке не подпустила, даже протянула перед елкой веревку и сказала:

– Это украшения, их нельзя кушать, они колючие очень, потому что из мякины.

Смышленные деревенские дети сбегали домой и принесли кто полбуханки хлеба, кто еще что-то и предложили поменяться.

– Я не могу поменяться с вами, ваши родители ругаться будут. Это печенье есть нельзя, – объясняла им тетя Хельми.

Ребята ее все же уговорили. Тетя Хельми поменяла елочные игрушки из мякины на хлеб. Может, наша елка стала и не такой нарядной без украшений, зато у нас получился сытный праздничный ужин.

Помню, как-то зимой нам с Ирой уж очень хотелось кушать, а дома ничего съестного не было. Мы решили пройтись по деревне в надежде, что, может, кто-нибудь нас накормит. Отправились втроем, с нами пошел сын тети Хельми Вилье.

Постучались в дверь к одной старушке. Ира вытолкнула меня вперед. Она меня всегда вперед вытаскивала, когда надо было разговаривать с незнакомыми людьми.

Старушка нам открыла, я ей и говорю: «Бабушка, нет ли у вас чего-нибудь покушать? Очень кушать хочется». И крестимся. Креститься ведь научились, потому что народ в деревнях был очень религиозный.

Бабушка впустила нас в дом, принесла железную миску и налила в нее примерно литр простокваши, дала нам по ложке и сказала: «Ну, ешьте, больше у меня ничего нет».

Мы сели, начали наперегонки ложками работать. Да так громко у нас получалось ложками по железной миске стучать! Такая веселая «брякотня» началась, что все мы дружно расхохотались.

До чего же весело мы смеялись! Все время повторяли: «В пузо хоть что-то попало, так и весело стало!» Бабушка смеялась вместе с нами до слез, а отсмеявшись, сказала:

– Таких веселых нищих я еще не видела. Не похожи вы на нищих-то!

Мы поблагодарили бабушку и пошли домой. По дороге все никак не могли уговориться, то и дело принимались хохотать.

Зимой было особенно голодно. Летом мы собирали грибы и ягоды. Ягоды ели сырыми или с кашей. Съедали все, что находили в лесу, делать заготовки на зиму не было возможности. Сахара не было, соли тоже не было.

Грибы сушили, потом на столе скалкой или бутылкой разминали, превращая в грибную крошку или муку, протирали через сито. Вареные грибы уже есть не могли. Столько времени и постоянно на голодный желудок – одни грибы! В сухие, смолотые грибы добавляли ягоды, – натолчем все вместе и едим. Мука грибная заменяла толокно. Туда еще добавляли ваниль, чтобы как-то разнообразить вкус.

С тех пор уже много лет прошло, а я все еще ненавижу грибы и запах ванили.

Весна идет...

Как-то уже под весну вечером на улице крупными хлопьями валил мокрый снег. В дверь нашего дома постучала незнакомая женщина и спрашивает: «Лавикка Гертруда Йоносовна здесь живет?»

Мама отвечает: «Да, это я».

Женщина подает ей большой, из газеты склеенный треугольный конверт. Надпись, сделанную на нем химическим карандашом, разобрать было трудно, ее почти размыло. Конверт, видимо, прошел через множество рук, часто попадал под снег или дождь. Его долго гоняли по адресам, он был изрядно потрепан. Мама очень удивилась, что его все же доставили.

Она открыла загадочный конверт, в нем оказались пять рублей и короткое послание от Раухи Каалске, маминой подруги из Подужемья. Всего несколько слов было в нем написано: я нахожусь там-то, держитесь. Эта трогательная забота очень взволновала нас. Тогда все старались помочь друг другу чем могли.

Весной маме в колхозе выделили большой участок, засеянный льном. Когда лен вырос, надо было его выдерживать. Пока поле не вычистишь

ото льна, трудодни не начислят. Мы втроем ходили дергать лен, мама, я и Ира. Иногда Вилье, сын тети Хельми, нам помогал.

Дергаешь лен, а семечки у него уж очень колючие. Руки у нас непривычные к такой работе, нежные, а ни рукавиц, ни перчаток нет.

К вечеру руки становятся темно-зеленого цвета от льняного сока, ладони все в занозах, пальцы отказываются служить, руки в мозолях, кровоточат даже. Мы их попарим в горячей воде, а на следующий день мама кусочек ткани от единственной простыни оторвет, обмотает нам руки, и мы снова идем дергать лен.

В один из дней по дороге с работы я почувствовала себя очень плохо. Мама прикоснулась к моему лбу и воскликнула: «Да ты вся горишь!»

Когда пришли домой, измерили температуру. У тети Хельми, к счастью, был градусник. А ртуть в градуснике подскочила к отметке сорок градусов. Мама меня уложила, осмотрела руки и увидела, что у меня воспаление пошло от ладони вверх по вене к локтю. Грязь, видимо, попала в ободранные льном ранки.

Мама где-то раздобыла сырую картофелину и, натерев ее, привязала к моей руке, долго сидела рядом со мной, крепко держа повязку, чтобы я нечаянно не сдвинула ее. И где только она эту картофелину нашла? У нас и картошки-то не было.

Примерно через час я почувствовала, что температура стала спадать, и уснула.

Утром, когда я проснулась, мама, улыбаясь, произнесла: «Ну вот, опять спаслись, теперь дальше жить будем».

На работу мама меня больше не брала. Закончили они лен дергать вдвоем с Ирой. Трудодни за эту работу оплачивали деньгами или продуктами. Мама взяла картошкой и мукой.

По соседству с нами жила одинокая старушка в большом старом доме. Как-то она зашла к нам и говорит: «Сегодня Радоница – пасха мертвых, пойдемте ко мне на обед. У меня на этом свете никого нет, все мои родные там». И махнула неопределенно рукой в сторону. Нам стало жалко ее, и мы отправились к ней в гости.

Дом у старушки был огромный, рассчитанный на большую семью. В деревне все дома были устроены одинаково. Кухня с русской печью, в комнате солидный стол, по стенам длинные лавки. На столе стояла посуда, разные тарелки, миски, деревянные ложки. Бабушка приготовила на обед какой-то суп и пироги. Она сказала нам: «Садитесь за стол, только вот эти три места для мертвых оставим».

Окно было открыто, и на подоконнике лежало

длинное, вышитое по краям полотенце, такое же полотенце висело над зеркалом. Конец одного полотенца был постелен на стол, и на нем стояли три тарелки с супом, а еще четыре на столе рядом.

– Подождем, пока они поедят, потом будем кушать мы, – сказала бабушка.

Долго, боясь пошевелиться, мы сидели и смотрели на полотенце.

Наконец бабушка тихо произнесла:

– Видите, полотенце шелохнулось.

Немного погодя раздался в тишине резкий звук, словно ложкой стукнули о тарелку. Кто-то из нас, наверное, нечаянно задел ее. В открытое окно тянуло холодом, и мы сильно дрожали то ли от того, что замерзли, то ли от страха перед встречей с мертвыми.

– Ну вот, теперь можно и нам кушать, – наконец разрешила старушка.

Мы, испуганные и притихшие, быстро поели и отправились домой. Три тарелки с супом так и остались, конечно, стоять на столе нетронутыми.

Мама была атеисткой и в загробную жизнь не верила. Чтобы нас успокоить, она сказала:

– Если долго смотреть на какой-нибудь предмет, то всегда начинает казаться, что он движется.

Все равно впечатления у нас с Ирой после этого обеда остались не самые приятные.

В колхозе выделили нашей семье небольшой участок мелкого березняка для заготовки дров. Мама начала деревья пилить лучковой, это такая пила. Рубить сучки мы не умели. Мама свалит дерево, срубит сучки, перепилит дерево на чурки, а мы с Ирой таскаем их на дорогу.

Потом председатель колхоза дала маме лошадь. На этой лошади, запряженной в телегу, привезли дрова домой. Мы с Ирой обдирали с чурок бересту, потому что сырую березу растопить сложно. Бересту и все щепки тщательно собрали и высушили на печке. Целую неделю мы занимались заготовкой дров.

Под конец мама свалила одну стройную сосенку, распилила ее на более длинные чурки.

– Это для лучины, – сказала.

Сосновые чурки мы тоже занесли домой и высушили. Мама аккуратно острым ножом настрогала из них лучин. Это было непростое дело, лучины должны быть широкими, тонкими и довольно длинными.

Керосина или свечей не было, электричества и подавно. Стены в избе были бревенчатые, все в трещинах, и лучина, воткнутая в трещину, держалась хорошо. Лучину зажигали. Когда она сгорала и пламя немного не доходило до стены, лучину тушили, снимали и ставили другую. Такое в деревне было освещение по вечерам. При лучине

мы с Ирой уроки делали, а мама штопала и зашивала порванную одежду.

Пасха в этом году выпала на одно из апрельских воскресений. В прохладный еще весенний день все население Мишиной Горы высыпало за околицу. Ире к празднику тетя Хельми сшила новую юбочку из ткани с рисунком в елочку. Не из новой ткани, конечно, переделала из старья, но получилось очень красиво. А у меня ничего нового из одежды не было, и я устроила маме «концерт». Я кричала и плакала, что бедной мне нечего надеть на праздник. Мама вытащила из чемодана маленькую ярко-желтую наволочку от подушки-думочки и, чтобы не портить ее, аккуратно подпоролла швы, сделав отверстия для рук и головы. Получилась яркая кофточка, я надела ее поверх своей одежды. Тетя Хельми накинула мне на шею отпоротый от чего-то красивый вязаный воротничок с завязками, и я отправилась на пасхальное гулянье нарядная и довольная, зажав в кулачке темно-красное яичко, выкрашенное луковой шелухой. Такое же яичко было в руке у Иры.

За околицей народ столпился вокруг высокого молодого парня, там шла традиционная пасхальная игра. Парень «кокался» своим крашеным яйцом с детворой и со взрослыми, неизменно побеждая всех подряд. Его крепкое яйцо было как будто заговоренное. Он собрал уже целую корзинку побитых им яиц. Кто-то из проигравших ему свое яичко детей уже заливался горькими слезами. И простое некрашеное яйцо было тогда драгоценностью, что говорить о пасхальном красном яичке. Не прошло и пяти минут, как и мы с Ирой расстались со своими красными яичками, они, «кокнутые» невероятно прочным яйцом парня, уже лежали в его корзинке. Мы с Ирой стояли с разинутыми от неожиданной обиды ртами, глаза непроизвольно наполнялись слезами. Мы обе были готовы громко зареветь от горя.

Но события начали разворачиваться самым неожиданным образом. Неподалеку от места, где происходили состязания, на бревне сидел старичок и внимательно наблюдал за происходящим. Когда парень обобрал уже почти всю деревню и собрался уходить, дед поднялся со своего места, подошел к нему и сказал: «Я тоже хочу сыграть. Только ты мне свое яйцо на время дай. Я им поиграю».

Парень долго упирался, не хотел выпускать свое яйцо из рук, но все дети вокруг закричали, требуя, чтобы он отдал яйцо старику. Подошли и немного выпившие по случаю праздника взрослые. Старик взял в руки яйцо и показал всем, что оно не настоящее, а деревянное. Он заставил разоблаченного мошенника вернуть все выигранные им яйца, сам доставал их из корзинки и раздавал, спрашивая

каждого, сколько у кого было яиц. Вернул и нам с Ирой наши пасхальные яички. Дети перестали плакать, взрослые засмеялись. Парень под шумок куда-то исчез, и вовремя, а то его могли бы не на шутку и побить за такие проделки.

Помню, у нас дома лежал большой коричневый чемодан с металлическими уголками, мы с ним отправились в эвакуацию. Теперь он был уже почти пуст. Большую часть вещей мама продала или обменяла на продукты. На дне чемодана лежала фотография большого коллектива учителей, среди них был и наш папа. Судя по надписи на обороте, эту фотографию сделали в 1931 году в Москве на Конференции ударников коммунистического труда народного образования. А еще в чемодане хранилась блестящая золотого цвета медаль, мама очень ее берегла.

Мне захотелось пофорсить, и я, нацепив красивую медаль себе на кофту, отправилась гулять. На улице было по-летнему тепло, и я долго играла с деревенскими ребятами, а домой вернулась уже без медали. Не заметила, как потеряла ее.

Как-то мама заглянула в чемодан и, не обнаружив медали, очень расстроилась. Строго спрашивает нас с Ирой:

– Где же медаль?

Я честно призналась, что потеряла ее.

Мама была сильно огорчена, она печально сказала:

– Я очень берегла эту медаль, потому что это единственная память о моем брате Гуннаре Нордлинге. Он учился вместе со мной и вашим отцом в Коммунистическом университете в Ленинграде. На крупных спортивных соревнованиях по лыжам, где он победил, ему торжественно вручили эту медаль. Его тоже, как и вашего отца, арестовали.

Мне долго было стыдно за свой поступок. Я вспомнила, как еще за год до ареста отца зимой к нам в Паданы на лыжах из Петрозаводска примчался дядя Гуннари. Оставалось минут пять до наступления Нового года, в доме стояла наряженная елка, мама хлопотала у стола, как вдруг во дворе послышался шум, упала лыжная палка, раздался топот на крыльце, и в наш дом в клубах морозного пара ввалился рослый молодой мужчина. Дядюшка подхватил меня на руки, подкинул к потолку, и я радостно визжала от внезапно нахлынувшего счастья. Мы с Ирой знали, что Санта-Клаус живет в Финляндии и по-фински именуется Йоулупукки. Нам рассказывала бабушка Аманда, что сильные морозы случаются, когда Санта-Клаус в Лапландии сердится на проделки непослушных детей. Увидеть настоящего Санта-Клауса было нашей мечтой! Это он, Санта-Клаус, решили мы с

Ирой, он просто притворился дядюшкой, чтобы мы его не испугались. Гуннари снял с плеч рюкзак и вывалил из него на стол конфеты, печенье, пряники – ну чем не Санта-Клаус? Он настоящий!

Много лет спустя нам стала известна более подробная информация о судьбе маминого брата. Нордлинг Гуннар Йонасович 1899 года рождения, член ВКП(б), проживавший в Ленинграде, был арестован 12.11.37 года. Приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12.01.38 года по статье 58-6 (шпионаж) УК РСФСР к высшей мере наказания, то есть к расстрелу. Расстрелян 18.01.38 года. Место расстрела – Ленинград.

Возвращение из эвакуации

Как-то раз поздно вечером я с температурой лежала на кровати в комнате. Болела я очень часто. А мама и тетя Хельми сидели на кухне и тихо разговаривали. Шел уже 1944 год, у людей появилась надежда на возвращение из эвакуации домой.

Сквозь болезненную дрему я слышу тихий мамин голос: «К чему мы вернемся, неизвестно, и здесь все вещи проданы, ничего не осталось, как будем жить?»

А тетя Хельми так же тихо отвечает: «Успокойся, не переживай, справимся. У меня один сын, да и у тебя вряд ли Рая выживет, так сильно болеет все время. Останется одна Ира. С одним ребенком ты легко справишься».

Меня как ножом по живому больно резанули эти слова. Уже на следующее утро я сидела на краю кровати, свесив босые ноги. Температура, конечно, была, но мне стало значительно легче. Соседка из деревни принесла какой-то отвар из трав, наполнила меня. К вечеру опять принесла какую-то целебную траву, и мама заварила ее для меня. В общем, мне стало лучше. Недели две я промучилась, но поправилась. Отпоили меня лечебными травами. А слова тети Хельми злой обидой врезались в память навсегда. Значит, очень мне жить хотелось.

Немного прошло времени, и на самом деле все вокруг заговорили о том, что скоро можно будет из эвакуации возвращаться домой. Нам сообщили, что уезжающим дадут подводы, на станцию будут поданы вагоны и желающие могут отправляться к местам прежнего проживания.

Товарный вагон был точно такой же, как тот, в котором мы приехали сюда. В нем тоже были двухэтажные нары, печка-буржуйка топилась посреди вагона.

После болезни меня с ног до головы обсыпало

болячками, все тело было в чирьях. Видимо, был тяжелый авитаминоз от долгого недоедания. Я не могла спать лежа. Стоя спала, как лошадь. Иногда в изнеможении дремала на коленях у мамы. Стоило сесть или лечь, гнойники прилипали к одежде и причиняли такую сильную боль, что хоть криком кричи.

Какой-то сердобольный старичок, посмотрев на мои мучения, сказал: «Доченька, миленькая, иди, ложись на мою постель, а я рядом посижу. Мочи нет смотреть на твои страдания». А я ему отвечаю: «Дедушка, спасибо, не могу я лечь, у меня все болит».

Мы приехали в Кемь осенью 1944 года, на улицах уже лежало довольно много снега. Нас поселили в один из барачков на окраине. Там, похоже, когда-то школа была, из больших комнат в длинный холодный коридор выходили двухстворчатые двери, такие обычно делали в классах.

Нас разместили в одной комнате вместе с женщиной-ингерманландкой, которую звали тетя Лиза Повилайнен, и ее дочерью Зиной. Муж тети Лизы тоже был арестован в 1937 году, но отправлен отбывать срок не в Свердловскую область, как наш отец, а в Казахстан. Тетю Хельми с сыном и швейной машиной поселили где-то в другом месте. В большой холодной комнате с грязным ободраным полом стояла круглая печка-голландка, две голые железные кровати и что-то вроде стола. У тети Лизы оказался примус, на нем мы готовили скудную еду.

Когда мы шли к барачку, я заметила у железной дороги огромную, припорошенную снегом кучу, там лежали какие-то круглые, похожие на мячи шары, но что это было, я разглядеть не смогла, было уже темно.

Утром мама ушла оформляться на работу, а я отправилась посмотреть, что там такое круглое лежит. Подхожу и вижу, что это кочаны мороженой капусты для проходящих воинских эшелонов, а охраняет эту кучу часовая.

Я подошла, взяла один небольшой кочан, мне было уже все равно: застрелит меня солдат так застрелит. Патрульный сделал вид, что меня не заметил, отвернулся и пошел в другую сторону. На подгибающихся от страха ногах я понесла тяжелый кочан домой.

Вечером, вернувшись с работы, мама грустно улыбнулась: «Кормилица ты моя».

Так я ходила каждый день и брала по одному кочану капусты, пока ее оттуда не вывезли. Ира со мной не ходила, но очень переживала за меня, всегда с тревогой смотрела в окно, ждала, вернусь я или нет. Никто из охранявших эту кучу солдат ни

разу не сказал мне ничего плохого, хотя караул сменялся каждый день. Эту мороженую капусту мы варили и ели, она тоже помогла нам выжить.

У тети Кати

Как-то в Кеми мы с мамой пошли на рынок и вдруг слышим, кто-то кричит: «Кертту!» Причем произнесено мамино имя было чисто по-фински. Мама оглянулась, к нам бежала женщина с пустыми ведрами и корзинкой. Это была тетя Катя Сумманен.

Тетя Катя с мужем жили в Ленинграде, когда мама с отцом учились в университете, там они и познакомились. Муж тети Кати – Карл Сумманен, как и наш отец, был участником финской рабочей революции 1918 года, после ее поражения отбыл шесть лет заключения в Финляндии и, освободившись в 1926 году, из Суоми переехал в Ленинград. В 1933 году его направили на преподавательскую работу в Карелию, и семья перебралась в Петрозаводск. Перед Великой Отечественной войной они переехали в Кемскую область в деревню Подужемье. Здесь Карл Сумманен тяжело заболел, умер и был похоронен.

Мама с тетей Катей обнялись, заплакали. Тетя Катя спрашивает маму:

– Это которая же из твоих девочек такая худенькая, старшая или младшая?

Мама отвечает:

– Да это младшая, Рая.

– Отпусти ее со мной ненадолго, пусть у нас погостит в Подужемье, я ее немножко откормлю, – предложила тетя Катя.

Мама согласилась.

Тетя Катя Сумманен работала в Подужемье в воинской части, и ей иногда давали там овес. Она жарила зерна овса, молола их и варила овсяную кашу-болтушку.

Когда мы приехали с тетей Катей к ним домой, она приготовила овсяную кашу, достала из шкафчика на стол разнокалиберные тарелки и сказала:

– У нас сегодня гостья, значит, она и выбирает, из какой тарелки будет есть.

За столом сидели сын тети Кати Тайсто, дочь Элма и приемная дочь Эйла. Ее мать, сестра тети Кати, умерла, а отец тоже был арестован.

Одна железная миска была особенно большая. Именно она-то мне и приглянулась. Мне страшно хотелось есть. Самая маленькая и тощая, я выбрала самую большую посудину. Вдруг, чувствую, под столом меня кто-то толкает в ноги. А это Тайсто меня пинает своими длинными ногами и возмущенно шепчет: «Это моя миска».

Тетя Катя его услышала и говорит:

– Сегодня гостья выбирает себе тарелку.

Я, конечно, не смогла осилить всю кашу из своей большой миски, но за столом нам всем было очень весело.

Примерно посередине порожистой и быстрой речки Кемь находился остров, довольно приличных размеров, а на нем располагалось старое заброшенное кладбище. До острова можно было добраться вброд. Там росли густые кусты малины, и ягоды как раз к тому времени поспели. Среди местного русского населения существовало поверье, что на кладбище нельзя ничего брать, поэтому малину там никто не собирал.

Тетя Катя сказала нам:

– Не бойтесь, ничего страшного не произойдет, идите, собирайте ягоды.

Мы взяли с собой лукошки и отправились за малиной. Тайсто на берегу посадил меня к себе на спину и перенес на остров.

Я попала в другой мир. Как будто меня перенесли на другую планету. Все вокруг было необыкновенно яркое, зеленое, буйное, насквозь пронизанное солнцем. Высокая сочная трава, вольно разросшиеся кусты малины. Среди зеленых дебрей печально чернели старые покосившиеся кресты: простые деревянные и кованые ажурные.

Все мы босиком, обуви ни у кого не было, разбрелись по малиннику. Островок небольшой, заблудиться негде. Ветки малины высокие, даже трава вокруг выше моего роста. Ягод очень много.

Я не спеша, сосредоточенно собираю душистую крупную малину и вдруг слышу приглушенный замогильный голос:

– Не трогай, это мои ягоды!

Заорав в ужасе, я бросила корзинку, ягоды рассыпались. Ко мне подбежала Элма, я ей плача рассказала, что мне страшный голос из могилы сказал.

Она меня успокаивает:

– Да это наверняка проделки Тайсто, это он шутит.

Стали его звать, а он идет к нам совсем с другой стороны. Мы напали на него с упреками, а он отпирается. Мне уже не до ягод, я вся в слезах, боюсь очень. Я вообще тогда такая трусиха была, в сени одна боялась выйти, потому что там темно было. Решили мы возвращаться домой.

Подходим к речке, а Тайсто и говорит мне тихонько:

– Вот теперь, ябеда, поплывешь через речку сама или будешь здесь сидеть, я тебя обратно не понесу.

Я была маленькая, примерно в половину его роста, и очень худая. Там, где вода доходила ему до колена, я вымокла бы по пояс. Он дошел до середины речки, оглянулся и увидел, что я от огорчения еще

сильнее заплакала, и вернулся. Посадил меня к себе на спину, я его за шею крепко обхватила, всхлипываю и тихонько вытираю об его рубашку нос...

Тайсто, выйдя на берег, поставил меня как памятник на огромный замшелый валун и с насмешкой произнес: «Вы только посмотрите на эту горожанку».

Вид у меня, прямо скажем, был неказистый: старое выцветшее короткое платье, босые ноги ободраны в кровь, лицо и руки до локтей в грязных разводах от размазанных слез.

Он выглядел не лучше: ноги в цыпках, штанины едва доходят до середины икр, ростом под два метра и очень тощий.

Мне стало жалко его, а ему, наверное, меня. Тайсто достал из кармана несколько жареных зерен овса и дал мне. От этого примирительного жеста я сразу успокоилась и перестала плакать.

Пришли мы домой уставшие и голодные. Тете Кате рассказывать про свои приключения не стали. Сказали лишь, что на острове было слишком много мух и комаров, поэтому малины мы не набрали. Тетя Катя опять накормила нас кашей-болтушкой. Быстро поев, мы с Тайсто вышли на улицу.

– Хочешь, я покажу тебе, как эта каша получается? – предложил Тайсто.

Мне, конечно, было интересно. Мы спустились в подвал, там посреди просторного помещения стояли жернова – два каменных тяжелых круга, верхний с отверстием и ручкой. На них мололи овес. Тайсто дал мне покрутить ручку, и я даже смогла раза три крутануть ее, хотя это было нелегко.

Тайсто показал мне весь дом, он чувствовал себя в нем хозяином, знал каждый уголок. Это была обычная деревенская изба. В комнате по стенам стояли длинные лавки, середину занимал огромный некрашенный стол. Недалеко от двери висело маленькое зеркало над рукомойником. В стороне – большая русская печь. После топки в печке сгребали в угол золу, чтобы сохранить угли, а если они потухали, то Тайсто бежал за углями к соседям. Так там было принято выручать друг друга.

Тетя Катя решила оставить меня погостить еще на пару недель.

– Пока я тебя не откормлю немножко, не отпущу, – сказала она.

А я была этому рада. Мне у них было очень хорошо. Мы всей компанией ходили в лес за ягодами и грибами. Насобирали много черники, и тетя Катя съездила в Кемь, продала ягоды и купила хлеб. Она заехала к нам домой и привезла с собой мою сестру Иру.

Недалеко от дома Тайсто построил из веток шалаш. Вечерами мы всей компанией садились в

шалаше в кружок, прижимались друг к другу, чтобы было теплее, и Тайсто рассказывал нам страшные истории, придуманные на ходу, а мы слушали его затаив дыхание.

В субботу мы топили баню. Она стояла на самом берегу реки Кемь. Банька была маленькая, закопченная, топилась по-черному. Мы целый день носили прозрачную чистую воду из реки, таскали дрова и щепки. Топил баню Тайсто, а мы ему помогали. Вечером тетя Катя всех нас по очереди мыла в бане, кроме Тайсто, он, как взрослый, мылся сам.

Как-то в выходной день утром тетя Катя объявила: «Сегодня – день большой стирки». Стирка у нее и правда была очень большая. Тетя Катя работала в воинской части прачкой и стирала солдатское белье. Недалеко от бани на берегу реки Тайсто разжег костер под огромным закопченным котлом. Тетя Катя кипятила в нем солдатское белье. Стирального порошка не было, мыла тоже не было, поэтому белье кипятили в щелоке, оно хорошо отстирывалось и становилось чистым.

Тайсто сбегал на речку, поймал несколько раков и сказал мне: «Знаешь какие они вкусные, только их сварить надо».

Я никогда не пробовала раков и, недолго думая, кинула их в котел, где кипело белье. Через пару минут они из коричневых стали красными. Мы вытаскивали их из котла, прополоскали в речке и стали есть, тщательно очищая от скорлупы. Они и действительно были необыкновенно вкусными.

В следующий выходной мама приехала и забрала нас с Ирой домой. Погостили мы в Подужемье очень хорошо. Я совершенно выздоровела.

Победа!

Однажды ночью мы проснулись от оглушительных звуков духового оркестра. На улице было еще темно, едва начало рассветать. Вскочив, я какие-то опорки нашла на ноги. Мама, тетя Лиза, Зина, Ира и я высыпали по крутой лестнице на улицу, а там строй за строем шагают и поют солдаты, гремит духовой оркестр. Всюду слышны восторженные крики: «Победа! Победа!»

Разноцветные салюты в небо летят, кто-то стреляет в воздух. Повсюду раздаются торжествующие крики «Ура!». Совершенно незнакомые люди радостно обнимаются, поздравляют друг друга с Победой.

По обочине дороги я помчалась за проходившим строем солдат. Куда шли солдаты, зачем бежала я за ними, не знаю. Просто захватило беспредельное чувство восторга от общего ликова-

ния вокруг. Добежала до моста через речку Кемь, там обочина закончилась, дальше бежать было некуда, и я вернулась домой.

Мама, тетя Лиза, Зина и Ира еще стояли на улице около нашего дома. Всем было радостно, казалось, что все невзгоды позади и прямо завтра начнется счастливая мирная жизнь. Это было 9 мая 1945 победного года.

Хутор

Спустя некоторое время маме предложили пере- ехать жить в Суоярвский район. Но для поездки туда надо было сделать специальный пропуск, поэтому уехали мы не сразу. С нами отправились тетя Лиза и тетя Хельми, мы разыскали ее в Кеми. Тетя Хельми с сыном и швейной машиной осталась жить в городе Суоярви, а нас, маму, меня, Иру и тетю Лизу с Зиной, увезли на бывший финский хутор, от которого было километра полтора до населенного пункта Кайпа и шесть километров до Суоярви.

Располагался хутор в живописном месте на горке на берегу озера Суоярви. Чуть дальше Кайпы проходила железная дорога. Когда финны ушли, русские скоро заняли хутора. Те, кто приезжали первыми, говорили, что в некоторых домах еще были теплыми печи.

На нашем хуторе было шесть домов. Около каждого дома – палисадники для цветов. Из шести домов один – крестьянский, два карельской постройки с сеновалом и мостом из бревен, по которому можно было заезжать прямо на лошади, запряженной в телегу, дальше стояли два очень красивых хозяйских дома, а еще один – полуразрушенный.

Нас поселили в первый дом, он был похуже. Вокруг хутора стеной стоял лес, а посередине раскинулось обширное поле. Главным в подсобном хозяйстве назначили бригадира, его звали Миша, он до войны работал агрономом.

В небольшом подсобном хозяйстве на хуторе начали трудиться всего человек десять: моя мама, тетя Лиза, ее дочка Зина, чета молодых белорусов, две женщины средних лет, старенький дедушка и бригадир Миша с женой. Вот и все работники. Это подсобное хозяйство вероятно для того и было организовано, чтобы эвакуированные люди сами могли прокормиться. В районе располагался не один хутор, а много, и на каждом из них организовали такое подсобное хозяйство.

Привезли семена, на огромном поле картошку посадили. Каждой семье выделили по небольшому участку земли для огорода. Овощи сажали сами, кто какие семена смог достать, то и сеял. Се-

менного картофеля у нас не было, мы шкурки картофельные сажали. Мама предварительно их поливала, на солнышко выставляла, чтобы глазки появились. Так ведь не сегодня стало известно – какие семена, такие и урожаи.

Магазина на хуторе не было, надо было за шесть километров идти в Суоярви, там продуктовые карточки отоваривали.

Осенью, когда собрали урожай, бригадир продал часть картофеля с общественного поля. Часть отсортировали на семена, желающие могли взять зарплату деньгами или картошкой.

На хуторе обитало много одичавших кошек и котов, они не подходили к людям, но каждый день появлялись вблизи домов. Смотришь, один кот на пенке сидит, греясь на солнышке, другой на заборе устроился. Коты были сытые, чистые, очень ухоженные.

К озеру вел длинный причал, аккуратно сложенный из камней. По каменисто-песчаному берегу озера Суоярви были почему-то разбросаны миски, ложки и другая кухонная утварь. Причем только из металла, стеклянной не было, и когда мы купались, находили на дне в воде множество металлической красиво разрисованной посуды. Это, наверное, прежние хозяева все, что не билось, выкинули в озеро, когда уходили с хутора.

Каждый вечер из леса через хутор у всех на виду проходила к берегу озера рыжая лиса. Она не спешила по картофельному полю, и ее хорошо было видно издали, но никто не охотился за ней. Куда она шла, зачем и когда возвращалась назад в лес, никто не знал. Мышковала на поле или, может, рыбу ловила с берега в озере? Не знаю.

Мама уходила с утра на работу, а мы с Ирой, когда не надо было идти в школу, оставались на хозяйстве. Однажды в очень холодный день мы решили истопить печку. Топка печи была нашей основной обязанностью. Мы уже истопили печь, стало тепло, закрыли трубу. Я легла на печь, а Ира на лавку вниз. Даже оставаясь одни, мы не шалили, не играли и не резвились тогда, как играют и резвятся сытые дети.

О том, что происходило дальше, я узнала от тети Лизы. Ира, шатаясь, еле держась на ногах, пришла к ней и сказала, что ей очень плохо, ее даже тошнило и рвало. Тетя Лиза вывела Иру на улицу, помчалась за мной, стащила меня с печи и тоже вывела на улицу. Я уже ничего не соображала. Нас терли снегом, били по щекам...

В общем, нас с сестрой откачали. Мы с Ирой угорели, рано закрыли трубу, не все угли еще угорели в печи.

Весной мы посадили на огороде картошку и овощи, всего понемногу. Воду для полива таскали с озера. Наша соседка тетя Лиза выращивала у себя на огороде табак, но никому об этом не говорила. Только иногда просила нас: «Девочки, вы, когда будете поливать свой огород, полейте, пожалуйста, на моем вон те растения с крупными листьями. Они очень нежные, быстро гибнут без воды». Она эти листья табака сушила и ходила за несколько километров ночью в Суоярви на вокзал к поездам продавать.

О характере мамы можно судить по следующему эпизоду. Мама и тетя Лиза работали на переборке картошки. Мама выбрала две большие картофелины, которые были усеяны со всех сторон глазками. Подошла к бригадиру и спросила:

– Можно мне взять эти две картофелины? Я большой урожай из них выращу и вам покажу.

Бригадир удивленно ответил:

– Ну, если будешь большой урожай растить, то возьми.

Он был до крайней степени изумлен не тем, что из двух картофелин можно вырастить большой урожай, а тем, что мама спросила разрешения взять две картофелины. Она могла бы их спокойно в карман положить и унести. Да и не две картофелины, наверное, там можно было взять, а больше, что, собственно, все, наверное, и делали. Но мама могла поступить только так. Иначе она не умела.

Мама принесла эти картофелины домой, разделила на части, каждый кусочек с глазком отделила. Из старых газет, найденных в доме, стара-

тельно сделала кульки, наполнила их опилками, золой и землей и посадила каждый кусочек картофелины с глазком в свой кулек. Заботливо ухаживала за ними и поливала.

Когда пришло время собирать урожай, мама пригласила бригадира. Он пришел и из любопытства взвесил собранный картофель безменом, там оказалось тридцать шесть килограммов. Вот такой богатый урожай из двух картофелин получился.

Бригадир, улыбаясь, сказал нам:

– Вот и ешьте на здоровье!

Летом на хуторе было хорошо. Мы собирали грибы, ягоды, рыбачили. Озеро Суоярви очень богато рыбой. Бригадир давал маме лодку. Там одна лодка на весь хутор и была. Когда мы вместе отправлялись на рыбную ловлю, мама мастерски гребла веслами, этому она еще в Финляндии научилась. Если же я одна шла на рыбалку, то со мной ходил один из котов. Он был хитрее меня, и когда я сдергивала удочку с клюнувшей рыбой, он успевал рыбку схватить, ни разу не зацепившись за крючок.

Окончание следует

□

Татьяна Константиновна ФАДЕЕВА

родилась в Петрозаводске,

окончила Карельский государственный

педагогический институт.

Член Союза журналистов России.

Работала на телевидении и радио, в газетах,

в Петрозаводском государственном университете.

В журнале «Север» публикуется впервые.

